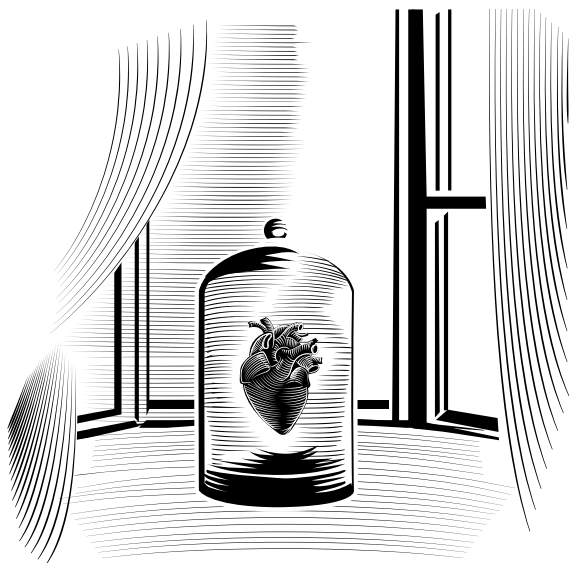

ЛУИ БАЙЯР

ВСЕВИДЯЩЕЕ

ОКО

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б18

Louis Bayard
THE PALE BLUE EYE

Copyright © 2006 by Louis Bayard.
All rights reserved.
Published by arrangement with William Morrow,
an imprint of HarperCollins Publishers.

Иллюстрация на переплете: *Степан Костецкий*

Байяр, Луи.

Б18 Всевидящее око / Луи Байяр ; [перевод с английского
М. Л. Павлычевой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 512 с. —
(Ток. Национальный бестселлер. США).

ISBN 978-5-04-159793-1

1830 год, Вест-Пойнт, Военная академия США. Октябрьским вечером найден повесившийся кадет Лерой Фрай. Событие крайне скверное, но все же не за рамками понимания. Пока кто-то не выкрадывает труп Фрая и не вырезает у него сердце, с глубоким знанием дела вскрыв грудную клетку...

Руководство академии обращается за помощью к живущему неподалеку Отгастесу Лэндору — ушедшему на покой нью-йоркскому сыщику, о чьем умении читать людей ходят легенды. Рыская по Вест-Пойнту в поисках зацепок, Лэндор неожиданно находит себе толкового помощника в лице одного курсанта. Тот эмоционально нестабилен, болезненно самолюбив, исповедует странные идеи и является воплощением дисциплинарных нарушений. Но имеет обширные знания, потрясающую интуицию, нестандартную логику и острый глаз.

Его зовут Эдгар Аллан По. И он почему-то твердо убежден, что за кошмарным надругательством стоит... поэт.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Павлычева М.Л., перевод на русский
язык, 2021

© Издание на русском языке, оформле-
ние. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-159793-1

Посвящается А. Дж.

*Скорбь по усопшим — единственная
скорбь, с которой мы не желаем рас-
статься.*

Вашингтон Ирвинг
«Сельские похороны»

*Меж черкесских садов благодатных,
У ручья, что испятнан луной,
У ручья, что расколот луной,
Атенийские¹ девы внезапно
Ниц упали одна за одной.
Там скорбела навзрыд Леонора,
Содрогалась от воплей она.
И взяла меня в плен очень скоро
Диких глаз ее голубизна,
Эта бледная голубизна².*

¹ Атений — изначально: святилище Афины.

² *Здесь и далее:* за исключением обозначенных случаев, перевод стихов выполнен Г. Буровиным.

Завещание Гаса Лэндора

19 апреля 1831 года

Через два-три часа... Трудновато определить... Наверняка через три или самое большее через четыре... Короче говоря, не позже чем через четыре часа я буду мертв.

Я говорю об этом, потому что появилась возможность увидеть вещи под другим углом. В последнее время, к примеру, меня стали интересовать мои пальцы. А также — немного покосившаяся самая нижняя планка в жалюзи. И побег глицинии, что за окном, — он растет в сторону от основного стебля и болтается, как веревка на виселице. Раньше я этого не замечал. Есть и еще кое-что: прошлое надвигается со всей мощью настоящего. Все люди, что окружали меня, разве они не толпятся вокруг? Интересно, что мешает им сталкиваться лбами? Вон, у очага, оддермен из Гудзон-парка; рядом с ним моя жена в фартуке, она ссыпает золу в банку. А кто это наблюдает за ней? Да это мой лабрадор-ретривер. Дальше по коридору моя мать — она никогда не переступала порог этого дома: умерла, когда мне еще не было двенадцати, — гладит мой выходной костюм.

Что любопытно — ни один из гостей не заговаривает с другими. Они строго придерживаются этикета, и я не в силах изменить правила.

Правда, должен отметить, не все следуют правилам. В течение последнего часа мое ухо терзал — по сути, рвал на части — некто Клодиус Фут. Пятнадцать лет назад я арестовал его за ограбление почты Рочестера. Какая несправедливость: у него было трое свидетелей, которые клялись, что в тот момент он грабил почту Балтимора... Фут тогда пришел в ярость, вышел под залог, исчез из города, вернулся полгода спустя и, помешавшись из-за холеры, бросился под колеса пролетки. Болтал до смертного порога. И сейчас все еще болтает.

О, это целая толпа, вот что я скажу. Я то обращаю на нее внимание, то нет — в зависимости от настроения, в зависимости от угла, под которым солнечный свет падает в комнату. Должен признать, что иногда мне хотелось бы побольше общаться с живыми, но в последнее время они приходят все реже. Пэтси больше не появляется... Профессор Папайя сейчас в Гаване, измеряет тамошние головы... А что до... *него*... Ради чего *ему* возвращаться сюда? Я могу звать его только мысленно, и как только это делаю, я начинаю слышать наши беседы. Сегодня вечером, например, мы обсуждали душу. Я не убежден, что она у меня есть; он же считает наоборот. Было бы забавно и дальше слушать его рассуждения, если б он не был так ужасно серьезен. С другой стороны, никто никогда не давил на меня в этом вопросе, даже собственный отец (пресвитерианский¹ проповедник, он был слишком занят душами своей паствы, чтобы грубым ботинком наступать на мою). Снова и снова я говорил: «Ну, может, вы и правы». От этого он только сильнее распалялся. Заявлял мне, что я ухожу от темы, требуя эмпирического подтверждения. А я спрашивал: «В отсутствие такового подтверждения что еще я могу ответить,

¹ Пресвитерианство — направление протестантизма, основанное на шотландской версии кальвинизма.

кроме “Может, вы и правы”?» Так мы и ходили по кругу, пока однажды он не сказал: «Мистер Лэндор, придет время, когда ваша душа обернется и окажется с вами лицом к лицу в самом эмпирическом виде: когда будет отлетать от вас. Вы будете цепляться за нее, но тщетно! Так разглядите же ее сейчас, как она расправляет орлиные крылья в своем диком гнезде».

М-да, он такой фантазер... Совершенно невоздержанный притом. Что до меня, то я всегда предпочитал факты метафизике. Надежные, простые и твердые факты. Именно факты и выводы и станут основой этой истории. Потому что они стали основой истории моей жизни.

Однажды ночью, через год после моей отставки, дочь услышала, как я разговариваю во сне, — она вошла и обнаружила, что я допрашиваю подозреваемого, который уже двадцать лет как мертв. «Угол не обтешешь, — говорил я. — Вы же понимаете это, мистер Пирс». Тот тип расчленил тело своей жены и скормил его по кускам стае сторожевых псов на складе в Баттери. В моем сне его глаза покраснели от стыда; он очень сожалел о том, что отнимает у меня время. Помню, я сказал ему: «Если это не вы, то должен быть кто-то другой».

В общем, именно тот сон и заставил меня увидеть: от призвания никуда не денешься. Можно спрятаться в Гудзонские горы, можно отгородиться книгами, цифрами и тросточками для прогулок... работа все равно найдет тебя.

Я мог бы убежать. Вполне мог убежать чуть глубже в глухие дебри. Честное слово, не понимаю, как позволил уговорить себя и согласился вернуться к работе, хотя иногда кажется, что все произошло — все это — только ради того, чтобы мы нашли друг друга, *он* и я.

Однако строить догадки и предположения смысла нет. Есть история, которую я собираюсь рассказать, есть жизни, за которые я в ответе. А так как эти жизни во многих

ЛУИ БАЙЯР

отношениях были закрыты для меня, я, где это необходимо, буду уступать место другим рассказчикам; в частности, моему юному другу. Он — истинная душа этой истории, и каждый раз, когда я пытаюсь представить, кто первым прочитает ее, у меня перед глазами сразу встает он. Именно его пальцы скользят по строчкам и колонкам, именно его глаза разбирают мой почерк.

О, я понимаю, мы не можем выбрать, кто прочтет нас. Поэтому ничего не остается, кроме как утешаться мыслью о незнакомце — еще не родившемся, если я правильно понимаю, — который найдет эти записи. И это тебе, мой Читатель, я посвящаю свое повествование.

Пожалуй, перечитаю-ка я все еще раз. Последний. Олдермен¹ Хант, будьте любезны, подкиньте еще полено в огонь...

Начнем.

¹ Олдермен — в США обычно член муниципального совета или другой ключевой муниципальной структуры.

Повествование Гаса Лэндора

1

Начало моего профессионального участия в деле академии Вест-Пойнт датируется двадцать шестым октября тысяча восемьсот тридцатого года. В то утро я вышел на свою обычную прогулку — хотя чуть позже, чем всегда — по холмам, окружающим Баттермилк-Фоллз. Помню, стояло бабье лето. Листья, даже опавшие, отдавали тепло, которое поднималось вверх — я чувствовал его сквозь подошвы, — и золотило туман, окутывавший фермерские постройки. Я шел один, следуя по тропинкам, серпантинном вившимся по холмам... Тишину нарушал скрип моих башмаков, лай собаки Дольфа ван Корлера и, думаю, мое учащенное дыхание — в тот день я поднялся довольно высоко. Я вышел к гранитному мысу, который местные называют Пяткой Седраха, и привалился к тополи, готовясь к финальному рывку, когда вдали, к северу, услышал звук валторны.

Этот звук я слышал и раньше — невозможно жить рядом с академией и не слышать его, — но в то утро он отдался у меня в ушах странным жужжанием. Впервые этот инструмент вызвал у меня удивление. Разве звуки валторны могут разноситься так далеко?

Как правило, такие вопросы меня не занимают. Я не стал бы забивать тебе, Читатель, этим голову, если б не хотел показать, в каком состоянии ума я находился. Дело в том, что в обычный день я бы не задумался о валторне. Не

повернул бы назад, не добравшись до вершины, и гораздо быстрее заметил бы следы колес.

Две колеи, каждая в три дюйма глубиной и в фут шириной. Я увидел их, когда шел домой, но отмахнулся, как и от всего остального: от солнца, от стаи гусей. Реалии окружающего мира как бы перетекали одна в другую, так что я лишь мельком глянул на эти колеи и ни разу (что нехарактерно для меня) не прошелся по цепочке причинно-следственной связи. Поэтому представьте мое удивление, когда я, перевалив через холм, увидел на площади перед своим домом фэтон с запряженным в него конем караковой масти¹.

На козлах сидел молодой артиллерист, но мой натренированный взгляд, сразу определивший звание, уже обратился на мужчину, прислонившегося к экипажу. В полной военной форме, он... словно позировал для портрета. Его с головы до ног окутывало сияние: начищенные до блеска золотистые пуговицы, позолоченный шнур на кивере, позолоченная рукоять сабли. Затмивший солнце — вот таким я его воспринял и, побуждаемый своим состоянием ума, на мгновение задался вопросом, а не связан ли он с валторной. Как-никак, прозвучала музыка, а потом появился этот человек... И все равно отчасти я стал — очень хорошо помню это ощущение — расслабляться, подобно тому, как кулак распадается на части: пальцы и ладонь.

У меня хотя бы было преимущество: офицер не знал, что я рядом. Дневная леность уже одолела часть его энергичности. Он играл с вожжами, перекидывая их из стороны в сторону, словно повторяя движения лошадиного хвоста. Глаза полуприкрыты, голова клонится вниз...

Возможно, так продолжалось бы довольно долго — я бы наблюдал за ним, не замечающим наблюдения, — если б

¹ Караковая масть — самый темный оттенок гнедой (коричневой) масти.

нас не прервала третья сторона. Корова. Большая, толстая, с длинными ресницами; вышла из платановой рощи, слизывая с губ остатки клевера. Она тут же принялась обходить фаэтон — с редчайшей тактичностью, словно предполагая, что молодой офицер сочтет нужным вмешаться. Этот самый офицер сделал шаг назад, будто готовясь к падению, и его рука мгновенно легла на рукоятку сабли. Думаю, именно вероятность убийства (чьего?) и побудила меня к действию: я длинным шагом двинулся вниз по склону и закричал:

— Ее зовут Агарь¹!

Он был слишком хорошо обучен, чтобы резко обернуться, этот офицер. Лишь слегка повернул голову в мою сторону, не меняя позы и не ослабляя внимания.

— Во всяком случае, она откликается на это имя, — сказал я. — Пришла сюда через несколько дней после меня. Никогда не признавалась, как ее зовут, поэтому я сам дал ей имя.

На его губах появилось подобие улыбки. Он сказал:

— Замечательное животное, сэръ.

— Корова-либералка. Приходит, когда хочет, и уходит тоже. Без обязательств.

— Ясно. Вот вы... Я тут подумал: а что, если...

— Да-да: если бы все женщины были такими.

Молодой человек оказался не таким уж молодым, как мне показалось. Ему точно перевалило за сорок, года на два, не меньше; он был всего на десять лет моложе меня и все еще служил, выполняя разные мелкие поручения. Однако это поручение являлось для него не мелким. Оно заставило его подобраться и распрямить плечи.

¹ Агарь — библейский персонаж, служанка и наложница Авраама, изгнанная из его дома вместе с рожденным от него сыном Измаилом.

ЛУИ БАЙЯР

— Вы Огастес Лэндор, сэ́р? — спросил он.

— Да.

— Лейтенант Медоуз, к вашим услугам.

— Рад встрече.

Он откашлялся, причем дважды.

— Сэр, я здесь, чтобы сообщить вам, что суперинтендант Тайер просит у вас об аудиенции.

— Какого рода аудиенции? — спросил я.

— Я не вправе говорить, сэ́р.

— Да, конечно. Она касается профессиональных вопросов?

— Я не вправе...

— Тогда позволю себе спросить: когда эта аудиенция состоится?

— Немедленно, сэ́р. Если вы соблаговолите.

Сознаюсь, красота дня никогда не очаровывала меня так, как в тот момент. Легкая дымка в воздухе, столько редкая для конца октября. Туман, укутавший предгорья. Дятел, выбивающий дробь на сером клене. Никуда бы не ехать...

Я тростью указал на свой дом.

— Лейтенант, вы уверены, что не хотите выпить кофе?

— Нет, сэ́р, спасибо.

— Я мог бы поджарить ветчины, если вы...

— Нет, я уже ел. Спасибо.

Я повернулся. Шагнул к дому.

— Лейтенант, я приехал сюда в связи с состоянием своего здоровья.

— Прошу прощения?

— Мой врач сказал, что для меня это единственный шанс дожить до преклонных лет: я должен перебраться повыше. В горы. «Уезжайте из города», — сказал он.

— Гм.

Эти его блеклые карие глаза. Этот его приплюснутый белый нос.

— И вот я здесь, — продолжал я. — Олицетворение здоровья.

Он кивнул.

— Не знаю, согласитесь ли вы со мной, лейтенант, что здоровье ценится весьма высоко?

— Не могу сказать. Возможно, вы правы, сэр.

— Лейтенант, вы выпускник академии?

— Нет, сэр.

— О, значит, прошли трудный путь... Поднялись по служебной лестнице, да?

— Все верно.

— Что до меня, то я никогда не учился в колледже, — сказал я. — Раз я не испытываю особой тяги к пастырству, какой смысл в дальнейшем обучении? Вот так считал мой отец — так считали все отцы в те времена.

— Понимаю.

Полезно знать вот что: правила ведения допроса неприменимы к обычному разговору. В обычном разговоре говорящий слабее слушающего. Однако в тот момент я не был достаточно силен, чтобы пойти другим путем. Поэтому пнул колесо фаэтона.

— Странное средство передвижения, — сказал я, — чтобы привезти одного человека.

— Это все, что было в наличии, сэр. И мы не знали, есть ли у вас собственная лошадь.

— А что, лейтенант, если б я решил не ехать?

— Ехать или нет, мистер Лэндор, — исключительно ваше решение. Ведь вы — частное лицо, а у нас свободная страна.

«Свободная страна», — именно так он и сказал.

Моя страна здесь. Агарь в нескольких шагах от меня, справа. Дверь моего дома, все еще приоткрытая, как я ее и оставил. Внутри стопка написанных тайнописью писем, недавно доставленных с почты, и оловянный кофейник с